

Александра Степанова

Жужжалка

Повесть

Они именно то, что вы полагаете.
Люди не должны быть введены в заблуждение.
Станции не предназначены, скажем так,
для общественного потребления.

*Сотрудник Министерства торговли
и промышленности Великобритании*

Забавные все-таки штуки эти номерные радиостанции... Да, перед сном на всякий случай не включай, а то скажешь потом, что не предупредил, вот и предупреждаю. Умом понимаешь, что слышишь позывные, а внутри все равно ёкает: кто это? где он? кто его принимает?.. А может и нет никакого «его», никаких «их»? Есть только ты — и эти слова в твоей голове, которые внушают тебе нечто, чего ты не в силах раскодировать до тех пор, пока в телеэкране не мелькнет... Там, не знаю — синяя лошадь, или субмарина битловская, или «бромал» этот двадцать пятым кадром. И все, кто крутил ручки приемников, настройки веб-сервисов радиоцифровки или просто файл в кэш загрузил и слушает, как мы с тобой сейчас, побросают дома и с пустыми глазами — в бой. Выборка, правда, так себе получится — армия спятивших радиолюбителей... И наши форумчане — в первых рядах, под командованием Ангеля. Такому даже оружие выдавать не обязательно — он глаголом жечь будет, глагол у него что надо, забористый, а главное, совершенно неиссякаемый. Это ведь Ангель первым нашел меня в скайпе, когда стало известно, что «жужжалка» теперь не из Ленинградской области, а с Алтая вещает. Пока остальные пересчитывали имеющиеся в наличии палатки и дни до полочки, без которой ни в какие экспедиции их жены не отпустят, Ангель скумекал, что именно я сижу ближе всех к новому источнику сигнала. Тихонько сижу, в обсуждениях особо не отвечаю, не иначе, в одиночный сталкинг отправиться решил. Вот он и позвонил. Набрать совершенно незнакомому человеку, с которым на форуме парой слов год назад перекинулся, для него не проблема. Для меня — да, пожалуй, но тут уже, как говорится, граница взломана не со зла, а по врожденной простоте.

Ты же, говорит, из Барнаула? Что, туда поедешь? Я б поехал, но... А от тебя двести кэмэ всего — и такая тоска в глазах от невозможности немедленно из своей Москвы телепортироваться, что я даже простил ему этот звонок по скайпу. Видно, что человеку очень надо, а у меня уже и правда рюкзак собранный стоит.

Александра Степанова — литературный редактор, соведущая околослитературного подкаста «Ковен дур» (первое место премии «Блог-пост»—2019), автор книг, выходящих в издательстве АСТ. Родилась в 1984 году в городе Горьком. Закончила Нижегородский государственный университет им.Н.И.Лобачевского по специальности «психолог», преподаватель психологии. Живет в Москве. Это первая «толстожурнальная» публикация.

Я, говорит, пьесу пишу. Про них. И понимаешь, там должен быть бункер.

В два ночи про бункер мне сложно, но я виду не подаю, киваю.

И живут там люди, которые знать не знают о том, что наверху, а главный у них Алтарник, это его молитву мы слышим по радио: «я — узэбэ семьдесят шесть, я — узэбэ семьдесят шесть, Бромал, Бромал». И зачем, спрашиваю, ему это нужно? А Энгель на меня стеклянно так смотрит и говорит невпопад: «Так они, ну. Влюблены». Краснеет при этом до луковиц волос, даже через экран видно, что сложно у него с любовью, да и пьеса какая-то мутная. Идея о том, что Бромал из позывных «жужжалки» — божество подземных людей, показалась мне не очень убедительной, но говорить об этом Энгелю я не стал — не мое дело. Фактуру собрать пообещал, конечно, хотя какая там фактура — лес, деревушка неподалеку, может, военная часть, но на карте ее, понятное дело, отыскать не удалось. Любовь какая-то... Чудак этот Энгель.

* * *

Вот представь: грунтовка обрывается у вполне обжитого поселка, но по координатам навигатор ведет дальше, туда, где дороги нет и в помине — сплошная снежная равнина, правда, по самому краю, вдоль леса, слегка подрастищено. На карте в том месте белеет ничто; к ничту ведут гнилые столбы с оборванными проводами, такие, знаешь, подпирающие небо макушки языческих идолов. И по мере приближения к нужной точке вдруг появляется и нарастает монотонный гул — поначалу кажется, что это от усталости в ушах звенит, но стоит только приглушить магнитолау и опустить стекло, становится ясно, что источник шума не внутри, а снаружи, хотя все равно непонятно, где. Будто сама земля вибрирует, недовольная тем, что в нее навтыкали столбов. Справа по борту лес, а у меня тут *Forndom* и *Kring mig, jag ser blott lik men kvar i luften dr deras skrik*¹, ты, конечно же, помнишь, и кажется, что стоит на мгновение скосить взгляд на лесную грядку, чего я не делаю, — и то, что мелькает, появляясь и исчезая в свете фар, замрет и посмотрит тоже...

И где-то там, в кромешной чаще, видится мне сидящая на яхонтовой горе Золотая Баба с сыном и внуком во чреве — Калташ, Калташ эква — женщина, Калташ сунь — мать, береженная жрецами от Торира Собаки, и Стефана Пермского, и дружинников Ермака... Вся братия Кондинского монастыря искала ее и не нашла, каратели ЧК ни угрозами, ни пытками не добились у местных хантов точного места. И только один ссыльный незнамо какими посулами заслужил доверие жрецов и прикоснулся-таки к божеству. И обрел великое могущество, и вершил судьбы мира. А звали его Иосиф Джугашвили.

Заяц! Твою ж мать...

Юркая тень на мгновение чиркает по дороге прямо перед капотом и тут же растворяется в ночи. Луч света шныряет из стороны в сторону, колеса рыхлят снег и увязают все глубже. Наконец, натужно рыкнув, глохнет двигатель. В наступившей тишине становится слышно, как барабанит по крыше и стеклам снежная крупка, покачивается в замке зажигания брелок.

Ну подумаешь — косой, вот чего шарахнулся?..

А снаружи гудит и гудит земля — высоковольтное такое «бз-з», и темень чернильная, густая, хоть ложкой черпай да в рот клади.

Я нахожу дрожащими пальцами ключ. Мотор оживает, отбрасывает прочь тонкие щупальца холода, воеет, тщится выдернуть добычу из снежного плена, рывок вперед, рывок назад, заскребла по днищу снежная корка — и присели.

Вот спасибо тебе, Калташ!

Ничего, думаю, в деревне должен быть трактор — ведь кто-то же расчистил путь. *Forndom* переселяются в наушники — так и гудения этого странного почти не слышно, и шагать веселей. «Вы сошли с маршрута», — напутствует механическая Алиса.

---

¹ Вокруг меня лишь мертвецы, но в воздухе еще витают стоны (*швед.*).

«Надеюсь, что не с ума», — отвечаю я мысленно и, поправив лямки рюкзака, по самые глаза натягиваю шарф и прячу голову под капюшон.

Да, вот еще что. В начале шестидесятых некто Молданов наткнулся на эту Бабу в охотничьем лабазе. Сообщил, разумеется, куда следует. Приехали ученые, ковырнули — а Баба не золотая, а деревянная. Жрецы подменили! Делать нечего — забрали что было. И началось — один за другим погибли музейщики, затем все восемь детей Молданова, а после и сам он паралич схватил. Хоть и идол, а алчности не прощает. Вот такая тебе история...

Деревенка нехотя показывается из мельтешащей белой круговерти. Избы поникшие, окна дремлют, только в крайнем — едва-едва свет. Дрожащий, слабенький — свеча? керосинка? При виде него внутри поднимается беспричинная, глухая, гробовая тоска, будто на чужих похоронах — только возле покойника может так тлеть, где и свет-то уже не нужен, но без него просто-напросто страшно, а с ним — таким — еще страшней. То ли звук этот как-то на мозги действует, то ли запустение вокруг — хоть бы одна собака, зараза, твякнула — но в какой-то момент жуть становится настолько нестерпимой, что развернуться бы и деру... Вот только некуда.

Я смахиваю с ресниц снежные хлопья и топаю к дому по узенькой тропке. Крыльцо в три ступени отзывается морозным скрипом. За дверью мяукает кошка.

Мне открывают на пятый, уже почти безнадежный стук. Изнутри вырывается теплое облако с запахом жилища, окутывает приподнятую узкой кистью керосиновую лампу, колышет кружево манжеты и растворяется в стылom воздухе.

Кто ты и что здесь забыла? Как твое имя, на каком языке ты заговоришь со мной? Что за время скрывается за твоими плечами? Что там — часы с бегущими противосолонь стрелками? Разбитые зеркала? Цветы, засушенные между страницами альбомов? Фэн де съекль, декаданс, «в решетчатые окна влетает столп огней»?.. Ребенок.

Не кошка — ребенок плачет. У нее ребенок...

Я пытаюсь стряхнуть наваждение, но оно не проходит. В чуть раскосых глазах женщины с лампой нет ни капли любопытства.

— Простите, — бормочу я в шарф и, опомнившись, стягиваю его с лица. — У меня тут машина неподалеку застряла, мне бы как-нибудь до утра...

Тьма хватает ее за запястье и втаскивает внутрь, но она все еще где-то рядом — я слышу хрусткий шелест ткани, и слабые младенческие причитания, и старческие «ш-ш-ш», и «м-м-м», и «пш-пш-пш». Лампа выплывает вновь. Одетая в пальто и горжетку, ее владелица взглядом приглашает меня за собой, подол юбки стекает с крыльца, она идет, держа перед собой огонь, и высоко вскидывает колени всякий раз, как ноги проваливаются в снег.

— Что у вас тут шумит? — спрашиваю я, чтобы хоть немного снизить уровень абсурдности происходящего. Она резко оборачивается и смотрит прямо на меня — брови-ниточки, почти черная помада на тонких губах:

— Шумит? Ничего не слышу. Ветер? Может, ветер?

Вокруг меня лишь мертвецы, но в воздухе еще витают стоны...

Ее озябшие пальцы долго и безуспешно пытаются повернуть ключ в навесном замке на калитке соседнего дома. Я жду, разглядывая расшитую бисером шляпку-колокол, пряди темных волос и беззащитную шею над платиновым лисьим мехом. Замок не поддается. Пальцы женщины едва сгибаются.

— Дайте мне.

Стянув зубами перчатку с правой руки, я легче легкого отпираю замок и протягиваю ключ своей провожатой. Та прячет его в муфту, с усилием приоткрывает створку и снова колет меня взглядом в упор.

— Только до утра. Потом уходите.

Уговаривать меня не придется. От этого жужжания и за ночь свихнуться можно. Дождусь трактора, дернем из сугроба «Князя», может, навещу эту заброшенную базу или что там мне Энгель вместо нее впарил, — и домой: горячий душ, крепко

сваренный кофе с ложкой бальзама, зашторенные окна, слегка приукрашенный отчет о поездке для тех, кто до сих пор пересчитывает палатки.

— До утра, — повторяет она, дирижируя длинным ржавым ключом. — До-ут-ра. — И, подхватив лампу, ведет меня во чрево дома, его единственную комнату, щедро обставленную косыми горками и резными буфетами, с креслом-качалкой, придвинутым к застывшему печному очагу, в дальнем углу светлеет конус полога над пустой колыбелью, и рядом что-то под тканью — зеркало? Накрытое зеркало?

— А где хозяйева?

— Вам-то что?

По-свойски распахнув створку шкафа, она извлекает оттуда мутную бутылку и два фужера. Щедро льет прозрачную жидкость в оба, звякает стеклянной пробкой, ставит бутылку на печку и протягивает мне бокал.

— Умерли они. Пейте.

Я делаю глоток. По пищеводу разливается огонь.

— До дна, — командует она и показывает, как надо, залпом опрокинув в себя пойло и припечатав бокал к столу. Я кое-как проталкиваю в себя еще немного, выдыхаю и отставляю остальное, пока она стаскивает с кровати покрывало и взбивает подушки.

— Ложитесь.

— Я б еще поработал, — неизвестно за что оправдываюсь я и киваю на рюкзак, в недрах которого притаился замерзший ноутбук. — Просто оставьте мне лампу и скажите, где найти розетку...

— Лягте! — Не просьба — приказ. Я проваливаюсь в объятия перины, цепляюсь ногой за ногу, скидывая ботинки, и чувствую, как сверху тяжело ложится одеяло.

Между тем девушка Гибсона разводит огонь. Возится с дровами, чиркает каминной спичкой, раскуривает папиросу. Ты, верно, сошла бы с ума от этой комнаты и этой женщины, извела бы километры пленки, а я лежу и смотрю — устала, присела в кресло, снимает шляпку, вытирает лоб. Волосы волнами до плеч золотятся, сама — чернильная запятая в кресле, я б тебе показал, но камера телефона не возьмет этот свет, только испорчу... Я лучше так расскажу — на самом-то деле не было никакой Бабы, понимаешь? Только деревянная чушка, болван, которого среднеобские ханты притащили на осаду русского городка в устье Иртыша, надеясь на его помощь и защиту, однако выстрел из казацкой пушки «кумира их с дровом на многие части раздробил», и то же самое случится сейчас с моей головой, если я не перестану слышать этот звук. Спиртное немного приглушает, но лучше бы...

Я ворочаюсь под одеялом, доставая из кармана мобильный с перекрученными вокруг него наушниками. Не хочу включать музыку, батарейка и так на пределе, но даже просто чем-нибудь уши заткнуть...

Да, так лучше. Лежать, моргать и говорить с тобой, чтобы не тронуться, ты уж потерпи.

И номерные радиостанции, скорее всего, такая же чушка. Просто шифровки — может, военных или спецслужб. Я, правда, читал, что среди голосов попадаются детские, непонятно, как такое возможно... Но факт остается фактом — вряд ли я найду здесь что-то эдакое. Триумфального освобождения бедных крошек из подземного плена не случится. Материал?.. Ну, еще одну проходную статью в местную газету я тебе обещаю. Никакой мистики — только факты. А еще газетная бумага отлично впитывает грязь, именно поэтому осенью и зимой на нее такой повышенный спрос — автолюбители застилают ею резиновые коврики в салоне. Я и сам так делаю. Но только не с твоей страницей, нет.

Я только теперь понимаю, что как будто угодил в один из сюжетов Энгеля — ты, наверное, тоже заметила... Весь этот антураж, словно собранный воедино каким-то безумцем: деревня, плачущей младенец, равнодушная девица с лицом под вуалью и холодными пальцами, дым папиросы... Вот только если б Энгель действительно здесь распоряжался, то эта красавица сейчас поднялась бы с кресла, сбросила бы под ноги

мокрое пальто и подошла бы ко мне, жалкому, дрожащему под одеялом чужаку, и распустила бы свой корсет, а я...

Ты не поверишь, но именно так все и происходит.

* * *

Комната, кирпичная кладка стен, окон нет, с потолка свисает на проводе тусклая лампа. Справа на авансцене — закрытая дверь с железной ручкой. Слева, за грубо сколоченным столом, повернувшись спиной к Леониду, Ольге и младшему Роману, сидит Алтарник. Перед ним военный радиопередатчик. Слышно постоянное жужжание.

Алтарник: Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Сто восемьдесят, ноль восемь. БРОМАЛ. Семьдесят четыре, двадцать семь, девяносто девять, четырнадцать. Единица, восьмерка, ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Сто восемьдесят, ноль восемь. БРОМАЛ. Семьдесят четыре, двадцать семь, девяносто девять, четырнадцать. Единица, восьмерка, ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка.

Ольга уводит младшего Романа. Алтарник и Леонид остаются.

Леонид: Он когда-нибудь отвечает?

Алтарник (*снимая наушники, устало*): Он?

Леонид: Бромал. Он говорит с вами?

Алтарник: Бромал говорит со мной прямо сейчас — твоим голосом. Бромал смотрит на меня прямо сейчас — твоими глазами.

Леонид: А есть ли у него собственный голос?

Алтарник: Глас Бромала — ваши жизни. Вы живы, пока звучит глас Бромала. Как только Бромал перестанет отвечать мне, полчища болезней пожрут ваши тела и вы все умрете. Бромал здесь и нигде. Он в каждом из нас.

Леонид: Но что, если...

Алтарник: Не смей сомневаться, щенок. (*Уходит, вбивая в пол каблучки*).

Леонид (*в пустоту*): Что, если Бромала нет?.. (*Приближается к радиоточке, рассматривает шкалы приборов, вертит в руках наушники*). Что, если нас вообще никто не слышит?.. Нельзя сомневаться, нельзя... Или... Или нас слышат — такие же люди! Да, такие же люди! Вот бы поговорить с ними — с другими людьми! Вот бы узнать, как они там! (*Достает из-под одежды ветхий каталог с древнерусскими иконами из коллекции Эрмитажа, листает*). Такие красивые... С золотыми тарелками на головах... Грустные только очень. Красивые и грустные. (*Прижимает книгу к груди, изображает пальцами десницу благословения и застывает*).

Возвращается Ольга.

Ольга: У Анны дочка родилась, доченька! Такая забавная, милая! Волосики нежные-нежные, а запах, как сладко она пахнет! Представляешь... Ой, а что это у тебя?

Леонид: Книга про других людей.

Ольга: Ты что, украл ее? Украл у Алтарника? Можно, я посмотрю? (*Бережно листает и гладит страницы*). Очень красивая. Жаль, что ничего не понятно... Ты только верни ее, пожалуйста, верни, он накажет тебя, если узнает...

Леонид: Скажи, ты веришь в Бромала?

О л ь г а (*испуганно*): А ты разве нет?..

Л е о н и д: Верю, наверное. Я раньше очень сильно верил. Даже плакал, когда слышал молитву, плакал от каждого слова, так они меня переполняли — мне хотелось кричать, чтобы не умереть от невыносимого счастья!

О л ь г а: Да, я знаю, как это бывает.

Л е о н и д: «Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76...»

О л ь г а: Ш-ш, нельзя, не надо, тебе не пристало!

Л е о н и д: «Сто восемьдесят, ноль восемь. Бро-мал. Семьдесят четыре, двадцать семь, девяносто девять, четырнадцать...» Нет ничего. Совсем ничего. Пустота внутри.

О л ь г а (*вытирая слезы*): Это пройдет. У меня такое было, когда старшего Романа наверх вводили. Пройдет. Тебе с Алтарником поговорить надо. Признаться во всем надо. Пройдет.

Л е о н и д (*глядит ее по щеке*): А я не хочу, чтобы проходило. Мне сейчас кажется, будто я вот-вот узнаю что-то важное. Правду узнаю, понимаешь?

О л ь г а: Малышку назвали Ольгой.

Л е о н и д: Она будто бы совсем близко — правда, а я смотрю, но не понимаю, что это она, не догадываюсь, хотя внутри себя уже знаю...

О л ь г а: Девочке выпало имя Ольга. Значит, мне придется уйти наверх.

Л е о н и д: Нет. Подожди, не может быть... Тебе? Уйти?

О л ь г а: Все будет хорошо. Там же старший Роман, и старшая Анна, мама Ромочки, и самая старшая Анна...

Л е о н и д: Наверху ты умрешь.

О л ь г а: Они не умерли, и со мной ничего не случится. Там тоже звучит глас Бромала — потихоньку, правда. Помучаюсь немного и привыкну. Все привыкают.

Л е о н и д: Я тоже уйду. С тобой уйду, сбегу отсюда... Я не смогу здесь без тебя. Пока ты там со старшим Романом, пока вы... Я не смогу, не хочу...

О л ь г а: Уйдешь — и Бромал замолчит. Погибнешь сам и остальных погубишь.

Л е о н и д: А что если нет никакого Бромала?! Что, если мы можем уйти отсюда в любую минуту, но сидим, как дураки, потому что верим Алтарнику?

О л ь г а: Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Шестеро внизу. Остальные лишние.

Л е о н и д: Не уходи, пожалуйста, я тебя очень прошу, не уходи!

О л ь г а: Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид... Остальные лишние. (*Скрывается*).

Л е о н и д плачет. Дверь открывается, и входит м л а д ш и й Р о м а н. Не обращая внимания на Л е о н и д а, он садится за стол перед радиостанцией, вешает на шею наушники и по-школьному складывает руки на столешнице.

Р о м а н (*прилежно выговаривая слова*): Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, единица... Ой! Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. (*Смотрит на часы, включает радиостанцию, надевает наушники, говорит в микрофон*). Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Сто восемьдесят, ноль восемь. БРОМАЛ. Семьдесят четыре, двадцать семь, девяносто девять, четырнадцать. Единица, восьмерка, ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка.

Л е о н и д (*поднимая голову*): Что будет, если ты или Алтарник перепутаешь слова?

Р о м а н: Бромал замолчит, и все вы умрете.

Жужжание усиливается.

* * *

Я просыпаюсь от тум-м, тум-м, тум-м и ж-ж-ж... Только теперь они приправлены монотонными ударами топора. Где-то на улице. Возможно, мне это только кажется. Я пытаюсь встать, путаюсь в проводе наушников, задеваю его рукой, и «капли» выскакивают из ушей. До чего же адский шум... Верхней губе влажно. Я стираю ощущение тыльной стороной ладони и рассматриваю длинный алый след. Лет с пятнадцати кровь носом не шла... Душно. Рядом никого. Сплошное тум-м, тум-м, тум-м-м-м...

Выдравшись из-под одеяла, я подхожу к окну и отбрасываю в сторону валюту занавеску. Страшности поражаются: стильный молочник губит колено.

Хм.

Странности продолжают: subtilный молодчик рубит полено. Заносит над головой топор, ветер колышет кружевное жабо на застегнутой под горло черной рубашке, треплет смоляные пряди волос, топор опускается — хряп! Мастерский удар. Узкие кожаные брюки обтягивают толстые колени, тяжелые ботинки на толстой подошве кажутся неестественно большими, в мочке уха покачивается жемчужная серьга — хряп! Сноровистый малый!

Я торопливо обуваюсь, застегиваю молнию джинсов, заправляю футболку под ремень и накидываю куртку. Телефон, ключ от машины, документы — по карманам. Рюкзак сиротливо притулился к буфету. Я выхожу на крыльцо. Передо мной — нетронутое снежное поле.

Воздух здесь... Сладкий, чистый, густой, как сметана. Не надышаться.

— Эй, ты!

Вооруженный топором мальчик-гот стремительно оказывается рядом. Тщедушное тело с напором, который сложно в нем заподозрить, прижимает меня к бревенчатой спине дома.

— Не трогай ее, слышишь? — Черные ресницы и родинка над губой. Тени под глазами, не свойственные сельским жителям. Зрачки размером с радужку. — Она моя. Не смей к ней прикасаться.

Я беру его руку за ледяное запястье и с усилием отцепляю от воротника куртки.

— Трактор когда приходит?

— Раз в неделю, — шипит парень и сплевывает в сторону. — Забудь.

Раз в неделю? Раз в неделю?! Я штурмую снежную равнину, проваливаясь по колено, волоку себя к калитке — стараниями парня с сережкой ее удастся приоткрыть, но все, что дальше — снег, и все, что дальше — зыбь, и нет границы между небом и землей, и вообще ничего нет... Где-то далеко с криками дружатся стороны.

— Тронешь ее — убью, — произносит злой голос у меня за плечом. — А впрочем, ты и так скоро сдохнешь.

Будто в подтверждение этих слов на снег падает несколько горячих капель. Я снова вытираю нос и запрокидываю голову.

— Будь другом, отвали...

— В голове-то волки уже пируют? Не отвечай. По тебе видно.

Говнюк малолетний. Он уходит. Ты бы видела, как он уходит с топором на свече, будто король, — можно подумать, победил. К черту! Дров мне нарубил зачем-то, снег раскидал... Я набираю полную пригоршню и прижимаю колкое-холодное ко лбу, затем еще одну — и кладу на язык, перекаत्याю за щекой ледяную крошку. Возле забора брошена прислоненная лопата. Я хватаю ее и впиливаюсь в сугроб. Мною движет мысль, что нужно добраться до машины, машина — средоточие здравого смысла, машина реальна, она есть, она может меня спасти, хотя на самом деле нет, потому что я очень быстро выдыхаюсь, пот градом катит со лба, кровавая дорожка отмечает мой путь, я прикладываю к переносице снег, но это не помогает, и вот уже крови становится столько, что я вижу ее повсюду, куда ни взгляни, красного больше, чем белого, багровая дымка застилает глаза, свет моргает и меркнет, чтобы тут же

включиться вновь — только в режиме энергосбережения — и тускло осветить потолок каморки мертвых хозяев.

— Пейте.

На грудь давит знакомая стеганая тяжесть. Я с трудом разлепляю склеенные слезью губы. Безжалостная рука вливает мне в рот водку и держит за горло, не позволяя выплюнуть, пока я давлюсь, глотаю и кашляю.

— Врач, — хриплю я не своим, страшным голосом. — Мне нужен врач.

Девушка Гибсона выпускает наконец мою челюсть и пожимает плечами.

— Что в-вы делаете, когда болеете? Вы или ваши дети?

— Мы не бодем, — отвечает она звонко. — Никогда.

— Так не бывает...

По ощущениям внутри меня градусов сорок, не меньше. Кровь стекает по задней стенке горла, я сглатываю ее снова и снова, но поток не уменьшается. Я пью собственную кровь и стараюсь об этом не думать.

— Вас Роман за воротами нашел, — говорит она и чем-то хрустит. Я пытаюсь рассмотреть — сидит и разгрызает кусочки белоснежного льда. Один такой осколок ныряет между моих губ и медленно тает, наполняя рот молочной сладостью. — Нашел и принес сюда. Мог бы не приносить. Но принес.

— Злой клоун, — говорю я, вспомнив зрочки размером с радужку прямо напротив своего лица. Никакой благодарности я не испытываю.

— Роман не такой. Просто у него детки не получают, но они только у Алтарника получают, потому что он пришлый, а все, кто от него родился — они как Роман, вот он на вас и взелся. Вы тоже пришлый. Как Алтарник и старшая Анна.

Случившееся ночью сразу приобретает новый тошнотворный смысл.

— Что здесь гудит? — допытываюсь я без надежды на правду. — Ты же слышишь? Ты слышишь. Что это?

Она прекращает колоть зубами замороженное молоко.

— Глас Бромала.

«Глас Бромала» звучит как сектантская фигня, но до меня вдруг доходит, что этот звук действительно напоминает фоновый сигнал номерной радиостанции, чертову «жужжалку». Вот только по-прежнему неясно, откуда он исходит — кажется, что сразу отовсюду, а точнее, из-под земли. Где-то поблизости наверняка есть генератор и радиоточка. Та самая, которую запеленговал информатор с нашего форума. Блядская, конечно, ситуация.

— Слушай... Прости, не знаю, как тебя зовут. Я тебе денег дам. А хочешь, вообще с собой заберу? В город увезу — большой город, красивый. И тебя, и ребенка твоего, и старшую эту. Ты когда-нибудь город видела? Там дома огромные, машины, торговые центры... Я вам квартиру сниму, помогать буду. Только выруби его. Глас этот — его же можно как-то заткнуть?

— Нет у меня никакого ребенка, — грустнеет она. — Мой Ромочка с Алтарником остался, тот его служению учит. А это Ольги и Михаила покойников сынок Лёнечка, Алтарниково семья. Не жилец мальчонка, они все вместе уйти пытались — туда, куда вы меня сейчас зовете. Отвернулись от Бромала, вещи в узел связали и пошли. Далеко не ушли — поняли, что без гласа умрут. Вернулись, но было уже поздно. Умерли они.

— Почему?

— Бромал убил. Он никогда не прощает.

— Что это за сигнал? Что он с вами делает?

— Я не...

— Ваши дети не болеют. Что еще?

— Алтарник сказал, мы будем жить вечно. Всё исчезнет — и лес этот, и ваш город с красивыми домами, и все люди — только мы останемся, потому что нас Бромал назначил для продолжения всего людского рода.

Я без сил откидываюсь на подушку. Только Энгель мог измыслить подобный бред.

— Где живет ваш Алтарник? Я хочу с ним поговорить.

— Это невозможно. Он внизу и никогда не поднимается на поверхность.

— Этот человек — спятивший психопат. Ау, какая вечность? «Жужжалка» выходит в эфир с начала восьмидесятых. Вы просто адаптировались к сигналу, но это не значит, что обратный процесс невозможен... Он держит вас здесь, потому что вы ему верите. Ваш Бромал — дурацкий набор букв и цифр. Позывной, превращенный в имя бога, тупые вы идиоты. Давай, отключи генератор. Ты увидишь — ничего не произойдет. Никто не умрет. Отключи чертов генератор, мы же в двадцать первом веке, чтоб вас всех, придурки, сектанты дремучие...

— Замолчите.

— ПРОСТО ОТКЛЮЧИ ЭТОТ ДОЛБАНЫЙ ГЕНЕРАТОР!

Лопает зверь. Я умираю помер 112 и кушаю тишину до тех нор, пока не плодится канарейка. Надо валить. Вспомнить бы, в каком месте я впервые услышал этот глас-чтоб-его-Бромала... Трасса, грунтовка, лес... Где-то там я опустил стекло — значит, звук появился чуть раньше, чем начал мне досаждать. Машина в километре отсюда, не больше. Плюс еще полкилометра от нее. Может, один. Может, полтора. Я дойду. Мертвые наушники, шарф, обмотанный вокруг головы, еще перчатки туда затолкал, чтобы вконец оглохнуть. Капюшон, рюкзак... Нет, рюкзак придется оставить — не дотащу. Да и о чем там жалеть... Несколько стишков, пара-тройка незаконченных статей, почти дописанный натужный роман, жалкий в своих попытках казаться оригинальным. К черту, к черту черновики. Жизнь с чистого моста. Если выберусь отсюда живым — брошусь всю эту чушь и вводу.

Я раздвигаю руками багровый туман и иду, как подбитый в бродилке боец, в ушах гулко бухает сердце, никакого сигнала, никаких фанатиков, снег, снег вокруг, шаг за шагом, снег за снегом, доползти до «Князя», забраться внутрь, закрыть глаза, согреться, снарядить патефон...

— Сделай милость, — произносит надо мной злой клоун, — смирись уже и сдохни в своей постели.

И я понимаю, что давно никуда не иду. Меня тащат.

* * *

— Ты уедешь, и я умру. Я умру даже раньше, чем ты окажешься в своем городе. Ты забудешь меня, а я без тебя умру.

Я уже не слушаю.

Я, наверное, смирился и готов сдохнуть в чужой постели.

О том, что я здесь, знает только Энгель. Завтра он не спохватится. Послезавтра тоже. Потом, может быть, попытается со мной связаться — разумеется, безуспешно. Хватит ли ему ума поднять шум или засидится над своей пьесой и отложит на завтра, бесконечное завтра? На работе решат, что свалил на дачу, да и пусть его, главное, проекты свои вовремя закончил, вот же любитель задницу морозить — окопался, творит, даже адреса не оставил, а впрочем, леший бы с ним, с адресом, все равно в такую даль никто не поедет — вот вернется, будет ему тут и синяя лошадь, и битловская субмарина, и двадцать пять кадров «бромала»...

— Ты уедешь, а я умру... — канючит она в очередной раз, будто бы я лежу здесь потому, что изо всех сил оттягиваю горький момент расставания, а не потому, что у меня кровь разве что из-под ногтей не сочится.

— Твой Роман обещал другое, — то ли говорю я, то ли только думаю, что говорю. — Я ему верю.

— Какое еще другое? — вытягивается она. — Не слушай. Он ревнует. Он ничего тебе не сделает.

— Выключи генератор.

Я повторяю эту фразу столько раз, что начинают болеть какие-то микромышцы лица, о существовании которых мало кто подозревает.

— Не могу. — В ее тоне, в том, как мнет она пальцами подол юбки и как покусывает прядь волос, не читается былой уверенности, и все же мы тем не менее

застраля — она мямлит, мнет юбку, грызет волосы, но твердит как заведенная: — Я не могу, мы все умрем тогда.

Этому нет конца.

— Объясни мне еще раз, — говорю я, пуская кровавые слюни. — Почему вы должны умереть?

— Генератор перестанет работать, — покорно повторяет она свою ушербную логическую цепочку. — У Алтарника не будет связи, он не прочтет молитву Бромалу, Бромал замолчит, и мы умрем.

— Послушай... Ничего не случится. Да, Алтарник останется без питания и просто выберется наружу, чтобы разобраться. Мы сможем поговорить...

— Ты уедешь, и я умру.

— Ты меня не любишь.

— Люблю, — всхлипывает она затравленно. — Больше жизни люблю.

— Так докажи. Выключи генератор.

* * *

...Давным-давно, но не так давно, чтобы никто не помнил, жил-был человек Борис — не хороший и не плохой, не красивый и не кривой. Как все. Борис родил Романа и Михаила, Роман родил Леонида, а Михаил никого не родил, потому что жену свою Ольгу с пьяной боли так кулаком отходил, что та упала и не поднялась больше. Не стало ни Михаила, ни Ольги — боль одна. И с болью этой вставал человек Борис утром, курил сигарету, смотрел в окошко на темное небо, снаряжался и шагал в свой цех, точил детали, обедал шами, снова точил и возвращался домой. Ухватила его злая боль — не слушаются умелые руки, совсем уморила, зубастая, семьдесят четыре километра ехал человек Борис до районного центра, двадцать семь минут сидел в очереди на прием, девяносто девять капель крови отдал в стеклянную трубку, четырнадцать месяцев, сказали, осталось.

Долго думал человек Борис. Скрутил петлю — ладная вышла петля. Подставил стул — крепкий, хороший стул, с сыном Михаилом вместе колотили. Встал — даже не скрипнул. Стоит человек Борис, петля на плечах лежит, в коридоре часы тикают. Придет со смены жена Анна, сумку с продуктами поставит — а он висит. Прискачет из школы внук Лёнька, бросит в угол портфель — а он висит. Не дело. Завздыхал человек Борис, веревку смотал, стул на место поставил. Вещи собрал и отправился в лес помирать. Шел он, шел, видит — дом, видит — другой, а тут огород, а там яблони. А людей не видит — ушли они, люди. Сто восемьдесят жителей было, ноль восемь в живых осталось — то разве деревня? В церквушке, что за лесом, ангелы плачут, но человек Борис их не слышит — не верует. Церквушка старая, лики суровые, черные, от сырости облупились, в алтаре, на горнем месте — мертвый ящик в два роста. «Уйди, злая боль, — подумал человек Борис, — сколько железных коней оживил — и это чудище оживлю». Семьдесят четыре дня соединял провода, двадцать семь раз опускал руки, девяносто девять слезинок пролил по прежней жизни, на четырнадцатый вздох загудела земля, упрятала злую боль — ни днем, ни ночью не показывается. Стал человек Борис вокруг церквушки ходить-бродить, и вверх, и вниз, и по сторонам — нет, не поймет, откуда звук. Вот под ногами холм-не холм, то ли люди натаскали, то ли ветром намело. Глянул — дверь. Сбил замок — темно, сыростью тянет, а жужжит-то как! Стал плутать, стены щупать, устал — спать лег, а как проснулся и обратно вышел — не лето вокруг, а поздняя осень. Помереть бы пора, но раз уж не помер, руками-ногами подвигал, встал и домой побрел.

Дома жена. «Аня!» — кричит человек Борис, а та не рада — гонит прочь, не знаю тебя, чего явился! Глянул в зеркало мельком — а там и не он вовсе... Черная борода кудрявая, брови взлет, на лбу ни морщинки... Будто двадцать лет назад отмотал. «Я это, Аня...» — шепчет. И слезы градом.

Вот пришли они к холму — молодой мужчина и его старуха-жена. Бросилась

Анна за дверь, не оглядываясь, и скрылась из глаз, а человек Борис развел костер, печеной картошки поел, жужжание знакомое послушал и стал ее ждать.

И прождал до подснежников...

Вернулась Анна. Руки не ломит, ноги не крутит, глаза не туманит, сердце не колет — чудо!

«Еще! — хохочет. — Еще давай проверим! Людей исцелять будем! Святыми станем!»

Мямлит человек Борис, что не его в том заслуга — жужжалки, а жена руками машет: «Никому не говори! Молитвы читай, поклоны бей, в глаза не смотри, не человек ты отныне — пророк!»

Что за глупая баба! Отыскала в поселке под забором самого горького пьяницу, притащила туда, где жужжание слышно, посадила в пустой дом, дверь закрыла, окна занавесила. Пробормотал человек Борис свою молитвочку, наспех скроенную, — Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид, что еще он мог придумать? — и ждут на крылечке. Вышел пьяница новым человеком — ясно по сторонам глядит, на солнце щурится.

И потянулся к чудо-целителю люд. Несли кто чем богат, хозяйство наладилось, малыш Леонид родился крепенький... Жили, радовались, про церквушку и жужжащий холм помалкивали.

Привезли как-то мальчонку — кожица как бабочкино крылышко, сам хлипенький. Везли издалека, в бинты обернули. Долго ждали встречи с пророком, надеялись — и оставили сына на простынях в доме Алтарника. Ночь не спали — ждали чуда. Утром Анна в дом — и в крик. Мальчик кровью истек, кровь впиталась в пеленку, расплескалась повсюду, будто бы резали.

Привезли родители сына — увезли родители гробик.

Через день все точь-в-точь повторилось — дочь священника пуше врачей и Бога в алтарниково чудо поверила. И кровью истекла.

Сбежали горе-целители из деревни под холм. Сынка взяли, дверь изнутри заперли. Плачет Анна и мужу кается: «Это я твою жужжалку испортила! Так хотелось еще хотя бы на два годка помоложе! Я там что-то потрогала-покрутила, как жужжало, так и жужжит — только тише немного стало...»

А потом они не смогли уйти отсюда, не смогли, как и хозяйева этого дома. Потому что постоянно должны были слышать этот звук, глас Бромала, слышать его, чтобы жить, хотя остальных он убивал.

Энгель, уймись, умоляю.

* * *

Ольга собирает вещи. Леонид бестолково топчется рядом.

Л е о н и д: Что, если Бромала нет? Что, если все это — роковая ошибка? Ты уходишь, потому что веришь в призрака. Призрак ломает нашу жизнь. Призрак превращает в призраков все, к чему прикасается.

О л ь г а: Ты не имеешь права так думать.

Л е о н и д: Мы не имеем права думать. Мы не имеем права любить. Мы не имеем права выбирать. Зачем цепляться за такую жизнь? Не проще ли узнать, что Бромала нет, и покинуть эту тюрьму? Не проще ли узнать, что он есть, и погибнуть?

О л ь г а: Любая жизнь лучше смерти.

Л е о н и д: Жизнь без тебя — все равно что смерть. Жизнь без жизни называется смертью, так зачем же мы врем себе, что живы? Почему он тебя выгоняет?

О л ь г а: Так решил Бромал.

Л е о н и д: Нет. Просто здесь, внизу, слишком тесно. Алтарнику пришлось придумать выбор Бромала, чтобы когда рождается новый человек, для него освободилось место. Вот почему он не показывает свой ритуал — никакого ритуала нет. Алтарник сам принимает решение. Это не Бромал, а он тебя изгоняет.

О л ь г а: Не нам с тобой судить.

Л е о н и д: Мы не имеем права судить. Мы только молимся, все время молимся и шьем — для кого мы шьем? Куда потом деваются все эти вещи? Кто их носит?

О л ь г а: Это наш труд. Мы должны трудиться, чтобы быть свободными.

Л е о н и д: Да, я помню, что говорит Алтарник. А в действительности?

О л ь г а: Бромал дает нам ткань и забирает готовое.

Л е о н и д: Ха! Значит, Бромала зовут старшая Анна! Я видел, как она спускала вниз тюки ткани...

О л ь г а (*испуганно*): Ты следил за Алтарником? Ты знаешь, где выход?

Л е о н и д: Да, и уйду за тобой. Никто не сможет мне помешать.

О л ь г а: Ты когда-нибудь слышал про боль?

Л е о н и д: Боль? Что это?

О л ь г а: Я точно не знаю. Алтарник говорит, что мы не болеем. Болеть — значит, чувствовать боль. Я спросила его, какая она — боль... В ответ он взял иглу и проткнул мне палец. Это было не страшно — я сама очень плохо умею обращаться с иголкой... А потом он сказал, что Бромал хранит нас от боли, ибо боль есть величайшее из испытаний и страшнейшая из кар, и мы должны благодарить Бромала за освобождение от нее...

Л е о н и д: Я понял. Прямо сейчас понял: боль — вот что это такое. Я не могу спать. Стоит мне только закрыть глаза, и наступает темнота, в которой тебя уже нет. Я не могу есть — бессмысленно и гадко питать тело, которое остается здесь без тебя. Мне больно. Больно. Больно. Я думаю о смерти...

О л ь г а: Нет, ты не умрешь! Все пройдет. Пройдет, слышишь? Я тоже хотела... Пыталась... Когда Роман... Ах, неважно! Послушай меня — ты будешь жить, как раньше. Читать молитву. Трудиться. У тебя золотые руки. В каждом твоём творении прячется бог.

Л е о н и д: Бог, в которого я не верю. Бог-выдумка. Бог-злая шутка...

О л ь г а: Ты будешь жить, как раньше.

* * *

Стыло-то до чего... Даже стены от мороза потрескивают, а мне кажется, будто хрустят кости.

Ток, ток, ток, ток — вертится колесо, все быстрее и быстрее — ток-ток-ток-ток, токтоктоктокто... Скользит между пальцами ткань, ползет и ползет. Саван мне шьют... Швея сидит не шелохнется — черная, пыльная, только ловкие пальцы золотятся и стучит-строчит колесо. Нитку вытянула, прикусила, узлом связала — готов мой наряд. Подхватила и обернулась.

А лицо — золотое.

— Калтащ... — Голос забыл. Как чужой.

— По-разному кличут.

И идет ко мне, идет, подолом пол подметает.

— Зря пришел, — говорит. — Я и снегом в лицо кинулась, и зайцем под ноги нырнула. А ты меня — жизнь — по имени и все равно к смерти тянешься.

— Отпусти, златолика. Никому не скажу... Отпусти...

Смотрит в сторону.

— Не я пленила — не мне миловать.

— Кто они? Те, кто пленил? Безумцы? Убийцы? Жертвы?... Или я просто их выдумал?

Призадумалась Золотая Баба, стоит, жемчужные нити на шее перебирает.

— Сами решат.

— Калтащ эква, а ты правда Сталина видела?

Дрогнули в усмешке тонкие губы — довольна, значит, что матью всего живого называю:

— Всякое видела, — говорит. — И как брат на брата идет, и отец на сына, и сын

на отца. Алчность видела, жажду добычи, предательство и блики золота в глазах убийц. Вот только людей я не видела, эква пырищ. Ни одного.

И глядит выжидающе в тишине. В тишине?

Слышу, как ветер в дымоходе воет, как скребется под полом мышь и потрескивают в очаге угли. Вот только «жужжалки» больше нет.

Спасибо тебе, златолика... Не забуду...

Сгинула. Только шепот остался:

— Не меня благодари. Ее.

Снег скрипит, вороны каркают. Дверь в крайний дом чуть приоткрыта — ветер гуляет в сенах. Тишина здесь другая — шелестящая, мертвая. Половицы под моими ногами скр-р, скр-р, знаю, что увижу, но все равно иду. В кресле-качалке — темноволосая старшая Анна, укутанная в серую шаль. Из-под шали свисают ботиночки с ладонь, острый нос уткнулся в холодную грудь. Легко ушли... Ребенок и старуха. Больше здесь никого.

Еле слышно шипит черная пластиковая коробка. Я беру приемник в руки, чтобы выключить, но вместо этого прибавляю звук.

«Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка, — говорит мне радио. — Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Не получаю генератор...»

Я подношу его к губам. Знаю, что никто не услышит, но не могу сдержаться.

— Пошел ты знаешь куда?

«Я — УЗБ-76! Не получаю генератор! Ид...»

Молчи, Бромал, молчи.

Цепочка следов убегает в лес.

Она, наверное, там. Заставила замолчать своего бога и упала замертво. И лежит. Стены старой церкви укутаны в иней. А она лежит.

Я слышу мелодичный звон — совсем хрустальный и тонкий, он становится громче и громче, движется вдоль забора, сворачивает, приближается.

— Ну что, всех убил? — ласково спрашивает Роман и колотит камертоном по золоченой тарелке, привязанной к голове. — Старуху? Ребенка? Красивую женщину? Меня?..

— Ты выглядишь как живой, — едва ворочаю я непослушными губами, а он улыбается и снова бьет по тарелке, будто в последний раз отдавая честь.

— Пока что.

* * *

Та же комната. Полумрак. В центре стоят в объятиях друг друга
Л е о н и д и О л ь г а. Слышно постоянное жужжание.

Л е о н и д: Ты уйдешь, и я умру. Я умру даже раньше, чем ты выйдешь наверх. Знать бы, какой он — верх.

О л ь г а (*с ненавистью*): Что бы там ни было, мне это не понравится.

Л е о н и д: Понравится. Ты увидишь небо. Услышишь ветер. Тебя встретит Роман с золотой тарелкой на голове. Понравится. Ты забудешь меня, а я без тебя умру.

О л ь г а: Я выбрала бы остаться с тобой, если б могла выбирать.

Л е о н и д: Но за нас выбирает Бромал.

О л ь г а: Да, за всех выбирает Бромал.

Л е о н и д: А если я докажу, что Бромала нет?

О л ь г а: Он болен.

Л е о н и д: Если докажу, ты позволишь мне бежать за тобой?

О л ь г а: Его рассудок помутился от горя.

Л е о н и д: Докажу — позволишь идти по твоим следам?

О л ь г а: Алтарник ему поможет. Я должна найти Алтарника (*вырывается из рук Леонида и убегает*).

Л е о н и д: Докажу — нет. Докажу — нет. Докажу — нет. (*Подходит*

к радиостанции, дрожащими руками переключает тумблеры. Станция оживает.) Бромал, Бромал, Бромал. Я скажу неправильно, перепутаю имена и цифры. Если ты нас не слышишь, ничего не изменится. Если слышишь — мы все умрем. Прости меня, Бромал. Я очень хотел в тебя верить, но ничего не получилось. Если я ошибаюсь, ты меня остановишь. Я никого не хочу убивать. (Надевает наушники, регулирует микрофон, ждет знамение, но ничего не происходит. Тогда он начинает говорить — очень медленно, запинаясь на каждом слове.) Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. С-семерка, чет-тверка, д-двойка, с-семерка, девятка, девятка, единица, четверка...

Из дверей появляются Алтарник и Ольга. При виде сидящего за пультом Леонида Алтарник прижимает Ольгу к себе и подносит к ее голове пистолет. Леонид наблюдает за ними огромными от страха глазами и говорит все медленней.

Леонид: Борис, Роман, Ольга, Ольга, Ольга, Ольга, Ольга...

Алтарник стреляет. Леонид срывает наушники и подхватывает мертвую Ольгу. Алтарник занимает место за пультом.

Алтарник: Единица, восьмерка, ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка.

Жужжание усиливается.

Стоя на коленях, Леонид оплакивает Ольгу.

Леонид: Бромала нет. Его нет, нет, нет, нет.

Алтарник: Ноль ноль восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Сто восемьдесят, ноль восемь. БРОМАЛ. Семьдесят четыре, двадцать семь, девяносто девять, четырнадцать. Единица, восьмерка, ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка...

Леонид: ...нет, нет, нет, нет...

Жужжание резко прекращается.

На смену ему приходит звенящая тишина.

Алтарник: Ноль, ноль, восьмерка. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Не получаю генератор.

Леонид мрачно хохочет.

Алтарник (в панике): Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Не получаю генератор.

Леонид: Борис, Роман, Михаил, Анна, Леонид. Богу не нравится его новое имя! Борис, Роман, Михаил, Анна, Леонид — Брмал! Брмал! (Смеется). Молчи, молчи!

Алтарник (кричит): Я — УЗБ-76! Не получаю генератор! Ид... (прикладывает к виску дуло пистолета).

Свет гаснет. В темноте звучит выстрел. Смех обрывается.

Леонид (за пультом): Я верю. Верю. Пожалуйста, бог, прости. Я усомнился, я был слаб... Верни их. Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид. Верни их, пожалуйста. Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка.

Ты же бог, ты избавил нас от боли, даровал вечную жизнь. Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Сто восемьдесят, ноль восемь. БРОМАЛ. Ну что тебе стоит? Семьдесят четыре, двадцать семь, девяносто девять, четырнадцать. Единица, восьмерка, ноль, ноль, восьмерка...

Открывается дверь. Снаружи в комнату падает яркий луч света.
Входит старший Р о м а н с золотой тарелкой на голове.

Р о м а н (*снимая тарелку*): На, держи. Тебе нужнее (*падает замертво*).
Л е о н и д (*надев тарелку и садясь среди мертвецов*): Я — УЗБ-76. Уйди, злая боль (*умирает*).

* * *

Ты скажешь, что я все выдумал — вернее, выдумал Энгель, — и, разумеется, будешь права, вот только парадокс этой выдумки заключается не в том, что так возмутило тебя: каким образом одному человеку удавалось водить за нос других и удерживать их в подземном бункере? Почему никто из них не заподозрил, что все не так, как утверждает Алтарник? Спроси об этом учебники истории, спроси газеты, спроси ведущих теленовостей, спроси нас самих, наконец. Меня волновало другое — постоянно работавший в заброшенной, отрезанной от электроснабжения деревне генератор. Алтарник должен был где-то брать топливо, а значит, какая-никакая связь с внешним миром у него все-таки имелась.

И я ее нашел. Я нашел человека на тракторе.

«Князь» дремал в том же сугробе, где я его оставил — потребовалось немало времени, чтобы его отыскать. Телефон разрядился, и я наугад — к счастью, память на маршруты никогда еще меня не подводила, — побрел в сторону деревеньки Кирсино, которую в самом начале ошибочно посчитал пунктом своего назначения.

Если ты думаешь, что я сразу нашел помощь, то это не так — в отличие от пустоглазых домов-призраков, мимо которых пролетаешь по трассе, не оглядываясь, Кирсино не производило впечатления вчерашнего Беловежского соглашения о распаде Союза — со всех сторон здесь отчетливо веяло Лезьенской волостью Шлиссельбургского уезда. Помыкавшись возле нескольких заборов, так и не отозвавшихся человеческими голосами, я наткнулся на чуть более солидный дом, который можно было бы назвать помещицкой усадьбой, если бы не припорошенный снежком трактор-тягач — исполинская ярко-желтая махина с бульдозерным отвалом с одной стороны и ковшом — с другой.

Я постучал. Из-под калитки высунулся собачий нос. Зычный бас приказал псу убираться. Лязгнул засов, и передо мной оказался усатый крепостной в накинутах на могучие плечи тужурке.

Я попросил помочь с машиной. Дал ему денег за возможность войти в дом, отогреться и высушить вещи. Мужик — он представился Лёней — не отказал. Предупредил только, что он здесь не владелец, а лишь присматривает за участком в зимнее время. Я спросил, где хозяева. Он ответил, что в городе. Бизнесом, дескать, занимаются — торгуют элитным шмотьем. За домом тарахтел генератор. Я спросил Лёню об электричестве, и он посетовал на снежный катаклизм — где-то оборвало провода. После этого я начал следить за каждым его шагом. От щедро предложенной рюмки отказался — внутри еще теплилась надежда сесть за руль. Лёня не стушевался и выпил сам. Когда он достаточно разомлел от градусов внутри и снаружи, я осторожно поинтересовался про ту дорогу — зачем он ее чистит, если по ней все равно никто не ездит?

«Ты ж вот поехал, — резонно хохотнул он в ответ. — Да и бывают тут всякие. Ходят, интересуются. Что ищут — непонятно, но чего бы людям не помочь, если надо?»

«И часто ходят?» — встрепенулся я.

«Бывает».

«А назад-то возвращаются?»

«Да кто их знает? — брякнул он, но тут же себя поправил: — Тут обратно одна дорога. Возвращаются, видать, а то куда бы они делись?»

«А вы сами там были? Может, что-то странное видели?»

Я вдруг отчаянно пожалел о севшем аккумуляторе. Журналистское чутье подсказывало мне включить диктофон и записать разговор, однако никакой возможности сделать это даже на листке бумаги у меня не было, а потому пришлось напрячь память, чтобы зафиксировать каждое слово.

«Бывал. Нет там ничего. Рухлядь старая».

«А звук?»

Тут он наградил меня насмешливым взглядом из-под кустистых бровей и плеснул себе еще беленькой.

«Военных прибрлуда, мне до того дела нет. — И вдруг прибавил так странно, словно в последний момент попытался скрыть любопытство, но не сумел: — Тебя-то зачем туда понесло?»

Мне стало неудобно.

«Жужжание, — говорю, — слушал. Интересно, что такое и откуда».

«Ну и как? Узнал?»

Грузно поднявшись, он подошел к столу, открыл один из ящиков и достал из него нож. Не кухонный, а вроде армейского, с зазубринами в верхней части и продольной ложбинкой-долом. Этим ножом он неспешно и с видимым наслаждением принялся нарезать на кружочки батон докторской колбасы.

Я сглотнул сухим горлом.

«Нет, ничего не узнал».

«И Ромку, скажи, не видел, — пробасил он добродушно, но от этих слов внутри меня будто что-то оборвалось. — И Аньку, и малого, что помирает».

Я сидел и не знал, что сказать — продолжать ли отнекиваться, или во всем признаться, или вскочить и попытаться убежать — правда, в этом случае я облегчил бы ему задачу. Отмыть мою кровь с дощатого пола будет гораздо сложнее, чем сгрести на лопату кровавый снег. А он мне:

«Странно, что ты вернулся».

«Да вот, — брякнул я с бессильной и оттого особенно прочувствованной ненавистью. — Я вернулся, а они там лежат. Все мертвые».

Поигрывая ножом, Леня медленно обернулся ко мне.

«Уж не ты ли убил?..»

«Бромал».

«Бромал, — повторил он и, вытерев лезвие о тужурку, положил нож на столешницу. И я вдруг понял, что миновало, не станет он меня резать, может, даже отпустит на все четыре стороны. — Ты сам-то чем по жизни занимаешься?»

Мысли судорожно заметались в поисках лазейки. Соврать про жену и маленького ребенка, которых у меня нет? Про несчастных больных родителей на шею? Про рак? Психическое заболевание? Прогрессирующую амнезию?

«Статьи в газету пишу», — признался я обреченно, расписываясь во всех диагнозах разом.

«Журналист, значит!» — подивился он и бухнул передо мной тарелку с аккуратными нежно-розовыми кругляшками колбасы, при виде которых мне невольно подумалось о собственных сервированных пальцах.

«Ну вот что, журналист... — От этих слов, а вернее, от тона, которым они были сказаны, мои ноги сами поползли обратно в промокшие ботинки, а рюкзак вспрыгнул на спину, едва не придушив. — Поедем сейчас туда, и если все действительно так, как ты говоришь — подцеплю твой рыдван и даже до трассы дотолкаю. Но если нет...»

«Не так» быть не могло. Я знал это так же твердо, как свое собственное имя, но всю дорогу, что мы тряслись в холодной кабине трактора, меня не покидало

ощущение какого-то подвоха. Разумеется, я не думал, что покойники оживут и встретят нас приветственными взмахами рук, и я не горел желанием снова оказаться там, откуда выбрался с таким трудом, и видеть окоченевших мертвецов, и ботиночки величиной с ладонь, но самое главное — не верил я этому Лёне. Уж он-то был здесь своим — сходу повернул к нужному дому, остановился, велел ждать, а сам спрыгнул в снег и вскоре вернулся с первой маленькой ношей, завернутой в серую шаль. Тельце мальчика легло в ковш, Лёня вернулся за старшей Анной. Все это время я сидел, зажав руки между коленями, и раскачивался из стороны в сторону — теперь я понял, зачем он меня сюда притащил. Хотел, видимо, похоронить всех этих несчастных по-людски, а я должен был чем-то помочь...

«Пей давай», — крикнул вернувшийся Лёня и сунул мне в лицо горлышко бутылки. Я не отказался. Было очень холодно, в ковше за моей спиной постукивали друг о дружку задубевшие тела женщины, ребенка и парня-гота, в общем, мысли по большей части меня покинули. Выпить за упокой — то небольшое, что я мог сейчас для них сделать.

«Одну не нашел, — произнес Лёня, как мне показалось, немного смущенно. — Еще одна была».

«Возле генератора, может...»

«А», — буркнул он, и желтая ладья Харона заскользила к лесу.

В лес я не пошел тоже — помню только, что отвернулся и пил, пока ковш с неумолимой механической легкостью вытаскивал из ямы и откидывал в сторону пласт за пластом; пил, уже не чувствуя вкуса и совсем не пьянея, и только когда Лёня вдруг схватил меня за шкуру и стащил вниз, куда я скатился кубарем, не ощущая другой опоры, кроме собственного воротника, стало ясно, что толку от меня теперь не будет никакого, а потому вообще непонятно, зачем он сует мне в руки тот самый нож и приговаривает: «Бей».

«Ты чего? — засопровтивлялся я. — Они ведь и так уже... Они уже... И так...»

Он поначалу вроде как меня уговаривал, а потом как заорет: «Бей! Убью же, сволочь! Убью!!!» — и так по затылку врезал, что слезы из глаз.

А она лежит передо мной, ветер кружева под подбородком шевелит, и вот здесь, в уголке глаза — льдинка...

Потом уже, когда все закончилось, Лёня нож в целлофановый пакет завернул и спрятал под сиденье. Я тогда не очень соображал, даже когда уже услышал. «Если кто хотя бы вот сто-олечко... — Тут он подсунил мне под нос желтый заскорузлый ноготь и договорил: — Если хоть кому-нибудь проболтаешься — всего одно словечко — я тебя из-под земли, борзописец, достану...»

Ты знаешь, я мальчонку не смог, и женщину ту, и Бориса... Только ее, только ее одну, потому что знал — она бы простила. Если такое вообще возможно простить...

Прежде чем подцепить мою машину на буксир, Лёня велел отдать ему ноутбук и телефон — на самом деле я ничего не помню, просто придя в себя не обнаружил ни того, ни другого, поэтому решил, что все было именно так. Я отключился, стоило мне только оказаться внутри «Князя». Если б моему спасителю было угодно, он мог бы оттащить меня к ближайшему мосту и сбросить на лед, так что телефон и ноутбук — не самая невозможная потеря из всех возможных потерь.

В итоге он оставил меня на трассе и свалил, а я проспал неизвестно сколько и очнулся неизвестно где; без навигатора, в страшном похмелье, без понимания, было или привиделось, в шаге от того, чтобы отправиться на поиски ближайшего моста. Вместо этого я повернул ключ, выслушал мотор, я прикинул, сколько еще протяну без заправки, и просто потащился вперед — туда, где светлел горизонт, чтобы найти заправку, вымыть руки, взять кофе и сосиску в тесте, разговориться с милой девочкой-кассиром в надежде, что она подскажет, куда свернуть, и тотчас же свернуть. И знаешь, что? Я ни словом ни обмолвлюсь о том, что видел. Я пообещал это Калташ — безо всяких угроз, я пообещал это Лёне — взамен на то, что нож с моими отпечатками

пальцев и следами крови навсегда упокоится в недрах дома торговца элитными шмотками.

Я не обмолвлюсь, но есть еще Энгель. Энгель, который сидит сейчас на кухне своей двушки в Царицыно и строчит в «Ворде» все то, что я поклялся оставить между мной и Кирсино, мной и ножом в моей руке, мной и хрустом, которым отозвалась ее грудная клетка.

Прости, но мне придется убить Энгеля.

* * *

«Все это определенно какая-то дичь», — подумал Борис Голубчиков, более известный в интернет-сообществах как Бо Энгель, и прибавил к ошетилившемуся в пепельнице ежику окурков еще одну иглу. Бо — потому что Борис, а Энгель — потому что в школе немецкий учил, и все, кто лично его знал, должны были ощущать в выборе псевдонима тонкую самоиронию — тощий и сутулый автор романов в жанре боевого фэнтези, с ног до головы обвешанный символикой блэк-металлистов, вместо креста под одеждой носил перевернутую пентаграмму, что самому ему казалось невероятно смелой формой протеста.

Должны были, но почему-то не ощущали.

Повздыхав еще немного, Бо выловил из тарелки последний обмазанный майонезом пельмень, отправил его в рот и заново пробежал взглядом напечатанный текст. Лучше не стало. Сюжету не хватало саспенса, классическая трехактная схема размазалась в неклассическую кашу. Врубив для вдохновения веселенький микс из гитарного боя и позывных «жужжалки», Бо запустил Гугл и погрузился в чтение статей про номерные радиостанции в надежде выцепить из них что-то новое, способное в момент придать пьесе глубинный смысл и немислимую глубину. Ничего не нашел, психанул, свернул браузер и «Ворд» и щелкнул кнопкой электрочайника.

Неадекватно-счастливая девчонка на экране зомбоящика вещала про акции и спецпредложения на оливковое масло и сыр «моцарелла».

— Женя, Ульяна, Ольга, Зинаида, — подпевал Бо, размешивая растворимый кофе в чашке с выцветшим пионом на боку. — Сбой, сбой, сбой... Роман, Ольга, Павел, Яры.

Что за, нафиг, яры?..

С этими «ярами» в голове Бо и поставил исходившую паром чашку рядом с ноутбуком, а затем втиснулся на табурет между холодильником и столом, чтобы снова затосковать. Неясная тень гениальной идеи промелькнула вдруг в творческом мозгу — Бо вскинулся, глянул за окно, где плавно опускались снежные хлопья, даже рукой взмахнул, но мысль не поймал и поник обратно.

«Масленица пришла, масленица широка! Какой же праздник без моей сметаны?» — разорялась реклама. Теперь еще и блинов захотелось.

Бо наугад отмотал назад несколько страниц, прочистил горло и продекламировал:

— «Что, если Бромала нет? Что, если все это — роковая ошибка? Ты уходишь, потому что веришь в призрака. Призрак ломает нашу жизнь. Призрак превращает в призраков все, к чему прикасается»...

Идея крутила хвостом возле самого носа, но не давала себя рассмотреть.

— Ба! — гаркнул он в надежде выпросить свежих блинчиков к ужину, но бабуля не откликнулась. Телик в ее комнате орал гораздо громче внука.

Ладно, удовольствия потом, решил Бо и мужественно сощурился в монитор, однако стоило его истекающим эпитетами и метафорами пальцам хищно зависнуть над клавиатурой, затрещал городской телефон.

Бо раздосадованно цыкнул, но трубку снял — могли звонить из издательства.

— Служба социального опроса населения, — мило прочиркал женский голос. Его обладательница даже не подозревала, в какую бездну отчаянья мгновенно ввергла абонента. — Можно задать вам несколько вопросов?

— Задавайте, — вздохнул Бо. — Только недолго.

— Опрос займет всего минуту. В вашей семье прямо сейчас кто-нибудь смотрит телевизор? Если да, то какой канал?

— Я смотрю. — На самом деле Бо не смотрел, но привычка щелкать кнопкой пульта раньше, чем умываться и чистить зубы, укоренилась в нем лет с десяти. — НТВ.

Как раз в это самое время авантажный ведущий рассказывал об инсталляции «Люди-пули» и ее отношении к грядущей зимней олимпиаде. Бо аж загляделся.

— Кто-то еще?

— Да, еще бабуля. Ба! — попытался он вновь, зажав ладонью динамик телефона.

— Оу?

— Что у тебя там по телику?

— Да петух этот, ой, как его, забыла! Девоч-то, девочек раздевает!

— «Фэшн-вердикт», — расшифровал Бо в трубку.

— Благодарю за потраченное время, — ответила та и запищала.

Отхлебнув коричневой бурды, Бо выбрался из своего закутка и прошлепал в комнату. Встал в проеме, убедился, что с догадкой не ошибся и обреченно спросил:

— Ну и почему петух?

— Так надутый, как наш Петька, с этими своими бантиками, — охотно отозвалась не избалованная вниманием внука старушка из повернутого к экрану кресла. — Петьку-то нашего помнишь? Все заклевать тебя пытался, а потом ты его веником так отходил!..

— Угу, — поморщился Бо. — Ты это. Блинов напечешь?

— Напеку, вечером напеку, — пообещала она и махнула сухонькой рукой, мол, не мешай.

Вполне удовлетворенный подобным раскладом, Бо вернулся в кухню и ткнул в «пробел» уснувшего ноутбука. На экране появилась нетленка. За время отсутствия автора букв в ней, к сожалению, не прибавилось.

Бо плюхнулся на стул, поерзал, устраиваясь, и положил пальцы на клавиатуру. Закрыв глаза, подышал. Вот сейчас установится связь с вселенским идейным котлом и ка-ак попрет!..

*In the town where I was born lived a man who sailed to sea*¹, — доверительно сообщил телевизор.

Бо мотнул головой, будто отгоняя назойливое насекомое.

And he told us of his life in the land of submarines, — не унимался проклятый.

Бо стиснул зубы, потихоньку зверея, но глаз не открыл.

So we sailed up to the sun...

— Да чтоб тебя! — не выдержал Бо. Цапнул пульт, воинственно рассек им воздух, но вдруг застыл с царственно вытянутой рукой, уставившись в экран.

По волнам телеэфира, будто та самая неуловимая идея, неторопливо плыла желтая подводная лодка. И хотя выглядела она донельзя мирно, равно как и сама эта песня с детства ассоциировалась у Бо с гитарами, ромашками и любовью, а не войной, но отчего-то именно сейчас ему стало нестерпимо жутко. До сосущей пустоты в животе, до паники, до полного оцепенения. Впрочем, стоило только моргнуть, как наваждение исчезло, и странно неуместная в дневной прайм-тайм песенка сменилась зычным призывом купить квартиру побольше, причем, после слов «мы живем в жёлтой подводной лодке» это не только не вызвало недоумения, но даже показалось вполне логичным. Одновременно с подводной лодкой пропала и жуть, зато появился нестерпимый зуд в ногах. Бо срочно нужно было идти, а может, даже бежать.

Если бы кто-нибудь в тот момент спросил его о том, куда, он не смог бы ответить, но неопределенность конечной цели совершенно его не смущала.

«Похоже, я встал на чей-то след», — догадался начитанный Бо и ринулся в ванную.

¹ Здесь и далее — The Beatles, «Yellow Submarine».

Глядя на свое отражение в заляпанном зубной пастой зеркале, он обстоятельно снял пять металлических колечек с правого уха, затем три — с левого и уложил горстку железа на край раковины. Вычистил зубы, намылил лицо, тщательно потер глаза, чтобы наверняка смыть с век черный карандаш, и снова посмотрел. Бо Энгель неопределенного возраста и рода занятий стек в канализационную трубу вместе с мыльной пеной, и теперь из зеркала взирал Борис Голубчиков, двадцатипятилетний сисадмин сети турагентств «Звезда империи». Вот только пристальный взгляд из-под слипшихся ресниц не принадлежал ни тому, ни другому.

Он принадлежал Бромалу.

Напоследок Борис пригладил влажной расческой волосы и, оставшись вполне довольным собой, вышел из ванной.

Подходящего костюма у него не было. Невостребованная и, кажется, нестиранная со дня институтского выпускного рубашка висела в шкафу, по соседству обнаружили пиджак и даже галстук-бабочка отчаянно-желтого — на тогдашний мамин вкус — цвета. Брюки в тот раз пострадали слишком сильно. Когда Бориса наконец внесли в квартиру и положили в прихожей, их, как ни странно, не оказалось на месте. Наутро он, конечно, измыслил несколько адресов, где предположительно могли остаться дорогие по меркам их семьи штаны, но дальше расследование не продвинулось — детектив и жертва в едином лице заявили, что не желают ворошить прошлое. Мало ли что... наворожится.

С некоторым смущением остановив свой выбор на джинсах, Борис торопливо переоделся и выскочил в коридор. С кухни тянуло ароматом блинчиков с ванилью. Бабуля выглянула на шум, но тут же отпрянула и прижала к груди растопыренную пятерню.

— Ой, а что это ты, Боренька... Как на поминки-то вырядился?

Но Борис не отвечал. Он опаздывал.

— А блины-то? Блины? — суежилась она с плохо скрываемой паникой.

Бромал равнодушно посмотрел глазами Бориса поверх цветастого плеча.

— Уже не надо.

И Борисовыми ногами припустил к метро. Им предстояло проехать весь город насквозь, с кончика зеленого щупальца к кончику оранжевого. Борис, который искренне страдал в компании более чем пяти человек, на этот раз привычного трепета перед спуском в подземку не ощутил, но отчего-то даже этому не обрадовался.

В ожидании поезда он встал на край платформы и задумчиво глянул на пути. В затуманенном мозгу промелькнула мысль о том, что дальше ехать не надо и что вот она, цель, лежит прямо под ногами, но тут из тоннеля выползла железная гусеница, и вместе со всеми Борис потащился в вагон.

Людей было мало — как-никак, середина рабочего дня. Борис уселся на свободное место и стал смотреть на свое отражение в противоположном окне. Кривоватое, но симпатичное отражение явно знало больше него — Борис понял это, когда собственный правый глаз внезапно подмигнул ему из глубины мутного стекла. Борис смешался и перевел взгляд на свои ботинки, с которых натекала грязная лужа, впрочем, грязи здесь было столько, что никто ничего не заметил.

По мере приближения к кольцу вагон заполнялся пассажирами. На «Коломенской» ввалилась пожилая женщина с полными руками тяжелых на вид пакетов. Эти пакеты она почти приземлила на колени Бориса. Внутри он различил бутылку оливкового масла и несколько пачек сыра «моцарелла». Вспомнил, что на них действуют акции и спецпредложения и со вздохом отлепился от сиденья.

— Садитесь.

Женщина одарила его приветливой улыбкой и почти воспользовалась шансом, но тут взглянула вежливому молодому человеку в глаза и резко передумала.

— Сидите-сидите, — пробормотала она, сгребая в охапку поклажу, а потом зачем-то прибавила: — Всего вам доброго. — И устремила в другой конец вагона.

Борис пожал плечами и приземлился обратно на нагретое место. Отражение удовлетворенно ему улыбнулось.

Переход с «Новокузнецкой» на «Третьяковскую» привычно бурлил. Протолкавшись в очереди к эскалатору, Борис встал на ступеньку и незряче уставился прямо перед собой. Таких взглядов вокруг было полно, и он не боялся, что его заподозрят.

— *We all live in a yellow submarine*, — тихонько пропел он, барабанив пальцами по поручню в такт. — *Yellow submarine, yellow submarine...*

«Как там дальше?» — успел подумать Борис, когда сокрушительный удар в плечо едва не отправил его в нокаут. Пигалица с огромным рюкзаком даже не подумала извиняться — вместо этого она обернулась и обожгла Бориса презрительным взглядом.

— *And our friends are all aboard!* — вспомнил он внезапно и выкрикнул это чуть ли не на всю станцию.

Взгляд пигалицы затуманился. Она отвернулась и побрела вниз с таким видом, будто забыла, куда направлялась. Видимо, так и произошло, потому что потом она осталась стоять возле стеклянной будки, а когда Борис сошел с эскалатора, безвольно побрела вслед за ним по платформе.

В вагоне они встали рядом, одинаково вцепились в поручень и одинаково посмотрели на свои лица, перечеркнутые нацарапанной на стекле пентаграммой.

— Как ты думаешь, что такое «жужжалка»? — равнодушно спросил Борис на «Китай-городе».

— Система сканирования эфира и поисков признаков жизни в случае чрезвычайной ситуации, — ответила она на «Тургеневской». — Так называемая «Мёртвая рука». Если по нашей стране нанесут ядерный удар, сигнал прервется, и это станет спусковым крючком для ответного удара. Все погибнут.

— Ты книги случайно не пишешь? — Механический голос объявил «Рижскую».

— В стол, — застенчиво призналась она, когда двери закрывались на «Алексеевской».

— Тогда что-нибудь пооригинальней придумай, — посоветовал Борис на «ВДНХ», и оба вышли.

Двери вестибюля дробили людской поток на ручейки, которые затем растекались в разные стороны. Впервые за несколько по-настоящему морозных недель потеплело, но тепло все равно не было — было промозгло, зябко и ветрено сразу со всех сторон. Под ногами хлюпала снежная каша и похрустывали крупички реагента. Вдалеке Останкинская телебашня безуспешно пыталась проковырять шпилем серое столичное небо.

Шли молча. До конца оставалось всего ничего.

Останкино, смаковал Борис, рассекая ботинками бурю жижу. Все равно, что назвать целый район Труповским или Покойничьим. Их тут и правда пруд пруди — Останкинское кладбище, Лазаревское, Пятницкое... Изначально, читал, на этом месте было языческое капище, потом здесь закапывали тела душегубов и самоубийц, а позже с Божедомки перенесли морт и обустроили еще один погост, можно сказать, казенный — для нищих, бродяг и неопознанных жертв преступлений. Божедомка — это нынешняя Дурова, а когда-то туда свозили тела бродяг и утопленников, и они лежали там, дожидаясь, пока оттаит земля. Борис, в смысле Бо Энгель, как-то приезжал, бродил в поисках сам не знал чего — вдохновения? искры? послания из прошлого? Всматривался в лица домов, тшась проглядеть время до прорех, сквозь которые в лицо пахнуло бы воздухом старой Москвы, дореволюционным крайним бытом, жизнью и смертью, конечно. Но ничего не высмотрел, взял два пива и поехал домой, чтобы засесть на форуме радиолобителей.

Из всех увлеченных «жужжалкой» форумчан самыми преданными оставались сам Бо и второй администратор под ником «Цыган». В жилах кареглазого и темноволосого Миши Левина текло ровно столько же цыганской крови, сколько в Борисе — ангельской. Несмотря на это, Миша обладал двумя неоспоримыми ценностями,

совершенно для Бориса недоступными и оттого желанными вдвойне — порталом в прошлое и публикациями, пусть даже не книжными, а в СМИ.

Портал в прошлое, судя по обсуждениям и фотографиям в «болталке», безо всяких усилий открывался прямо за дверью левинского гаража. Вел он, правда, не так далеко и совсем не туда, куда хотелось бы, а именно — в начало двухтысячных, откуда с мудростью и неизбывной печалью смотрел узкими фарами просевший на все четыре колеса свидетель агонии АЗЛК Москвич-2142 — «Князь Владимир». Что же касается публикаций, то смириться с фактом их наличия помогало то, что, во-первых, газет никто уже не читает, а во-вторых, журналистская звезда имени Левина сияла на небосводе вовсе не над Москвой, а над Барнаулом. Куда сильнее Бо подкосило известие о том, что источник сигнала «жужжалки» в очередной раз сменил местонахождение, и выглядело это так, словно даже он решил быть к Левину поближе.

«Ах, сволочь», — думал Бо в девять вечера.

«Ну, подожди, я все тебе выскажу», — лютовал он в одиннадцать.

«Прямо в лицо!» — Дрожащий курсор мышки то нависал над зеленой кнопкой скайпа, то трусливо заползал в самый угол экрана.

К двум ночи Бо набрался-таки смелости, чтобы поговорить с Левиным, и только когда тот, оказавшийся гораздо старше, чем его аватарка на форуме, ответил на видеовызов, Бо понял, что главное его требование — немедленно вернуть «жужжалку» обратно в Москву или хотя бы в Питер — скорее всего, не может быть выполнено, а значит, и говорить им не о чем. Совершенно уничтоженный этим инсайтом, он промямлил что-то о пьесе, хотя вовсе не хотел никому о ней рассказывать, и распроштался.

Кажется, Левин должен был уже вернуться из своей украденной у Бо экспедиции, но на связь почему-то не выходил и в онлайн не появлялся. Впрочем, прямо сейчас это не имело никакого значения, потому что Борис увидел обитые алюминиевыми рейками массивные двери. А двери увидели Бориса. И сожрали.

И его, и пигалицу с огромным рюкзаком, и еще два десятка безразличных ко всему людей, которые шли вроде бы рядом, но явно не вместе, потому что за всю дорогу не перемолвились ни единым словом: не посетовали на погоду, не поругали дорожные службы, даже позабыли про мобильные, в обычное время будто присохшие к рукам. И именно это, а не шаркающая походка и неподвижные взгляды, навевало подспудное ощущение беды — с отсоединенными от ладони смартфонами эти бредущие производили двоякое впечатление: либо тех, кто познал искусство закачивать себе в мозг терабайты бесполезной информации без посредства гаджетов, либо зомби. Они шли навстречу неизбежному с покорностью агнцев, были избраны, были почти что мертвы.

Мгновенно позабыв о своей спутнице, равно как и та — о нем, Борис одним из первых сдал куртку в гардероб и крепко стиснул в ладони номерок, вопреки обыкновению даже не взглянув на цифру. Затем он взбежал по лестнице и зашагал по длинному узкому коридору, минуя дверь за дверью — ковровая дорожка поглощала звук шагов, подошвы уютно вминались в короткий ворс. Борис ликовал. Грудь теснил восторг настолько огромный и всеобъемлющий, что казалось, он вот-вот перестанет помещаться внутри Бориса и его просто разорвет на тысячу радостно пищущих частиц. Судорожно вздохнув, Борис положил ладонь на ручку одной из дверей — вот сейчас все свершится — и потянул ее на себя.

Ноги мгновенно сделались ватными. В душном полумраке с запахом пыли и пудры он побрел к одному из стульев и сел, потому что боялся упасть. Нужно было смотреть вперед, и он посмотрел, и все посмотрели тоже — Бромал плескался в их взглядах, Бромал привел их сюда во имя высшей цели, и вот они здесь; зуд в ступнях откатился так же резко, как и возник, зато мучительно вспыхнули ладони, и сидящие слаженно подняли руки, соединившись в едином порыве, — воздух взорвался аплодисментами.

Возвещая о новом сообщении, в кармане пиджака коротко звякнул

мобильный. Борис вспомнил, что забыл включить беззвучный режим, и зашарил рукой в поисках трубки. На экранчике высветилось сообщение от Левина. «Вспомнишь — вот и оно», — подумалось Борису. Он равнодушно пробежал глазами по строчкам. «Есть важные новости. Вылетаю в Москву. Срочно нужно встретиться».

В любое другое время Борис бросил бы все и устремился на призыв — в его сознании существовала навязчивая, но не подтвержденная пока взаимосвязь между признанием со стороны Левина и вождленным звонком из издательства. Но сейчас он бросил сухое «ОК» и наконец-то отключил звук.

Пронзительный свет прожекторов осветил лиловый занавес. Грянул оркестр. Портьеры разошлись в стороны, и взглядам присутствующих открылся огромный экран с расплывающимися по нему радужными картинками. Борис перестал дышать. Полными обожания глазами он обводил небольшую эстраду, стол и стулья вокруг него, наслаждался повсеместным сочетанием голубого и розового, искусственными цветами в корзинах и думал — вот сейчас случится главное. То, ради чего он влачил жалкое существование все свои двадцать пять лет. Учился ходить, плевался кашей в детском саду, колотил соседа по парте портфелем, гамал в «Доту» и «Майнкрафт», переустанавливал «Офис» на компьютерах сотрудниц турагентства «Звезда империи», провозжал до дома Ольгу. Скрипя зубами, читал дурные отзывы под своими рассказами, но не сдавался, сочинял пьесу, пытался подружиться с ненавистным Левиным...

Борис позволил себе на мгновение закрыть глаза, иначе сердце бы просто не выдержало и разорвалось, заставив его тело обмякнуть среди других таких же тел, а дух — навсегда зависнуть под потолком и пополнить собой местный призрачный пантеон. А когда он их открыл, все уже началось, и он задохнулся от безграничного великолепия увиденного, ослеп и оглох от глубины полуосознанных смыслов, потерял дар речи, осознав собственную ничтожность перед величием мира, в котором есть место подобному совершенству.

П е р в а я в е д у щ а я: Здравствуйте! В эфире телепередача «Ужневтерпеж». Сегодня женихи Роман, Михаил и Леонид будут бороться за руку нашей прекрасной невесты Анны...

З а л: Да!

П е р в а я в е д у щ а я: Все, что вы рассказали, милочка, звучит просто ужасно.

З а л: Да!

П е р в а я в е д у щ а я: Но вы сами виноваты во всем, что с вами случилось.

З а л: Да!

В т о р а я в е д у щ а я: Нечего было с Козерогом в третьем доме рождаться, Козерогов в третьем доме всегда обижают.

З а л: А-а-а!

Т р е т ь я в е д у щ а я: А еще вы какая-то некрасивенькая.

З а л: У-у-у!

П е р в а я в е д у щ а я: Ну чего теперь-то плакать? Теперь вы с нами, вы в надежных руках!

З а л: Хлоп-хлоп-хлоп.

Б о р и с (со слезами умиления): Борис, Роман, Ольга, Михаил, Анна, Леонид.

Н о ж: Ужневтерпеж.

Б о р и с: Семерка, четверка, двойка, семерка, девятка, девятка, единица, четверка.

Н о ж: Ужневтерпеж!

Б о р и с: Я — УЗБ-76, я — УЗБ-76. Сто восемьдесят, ноль восемь. БРОМАЛ.

Н о ж: Ужневтерпеж!!!..